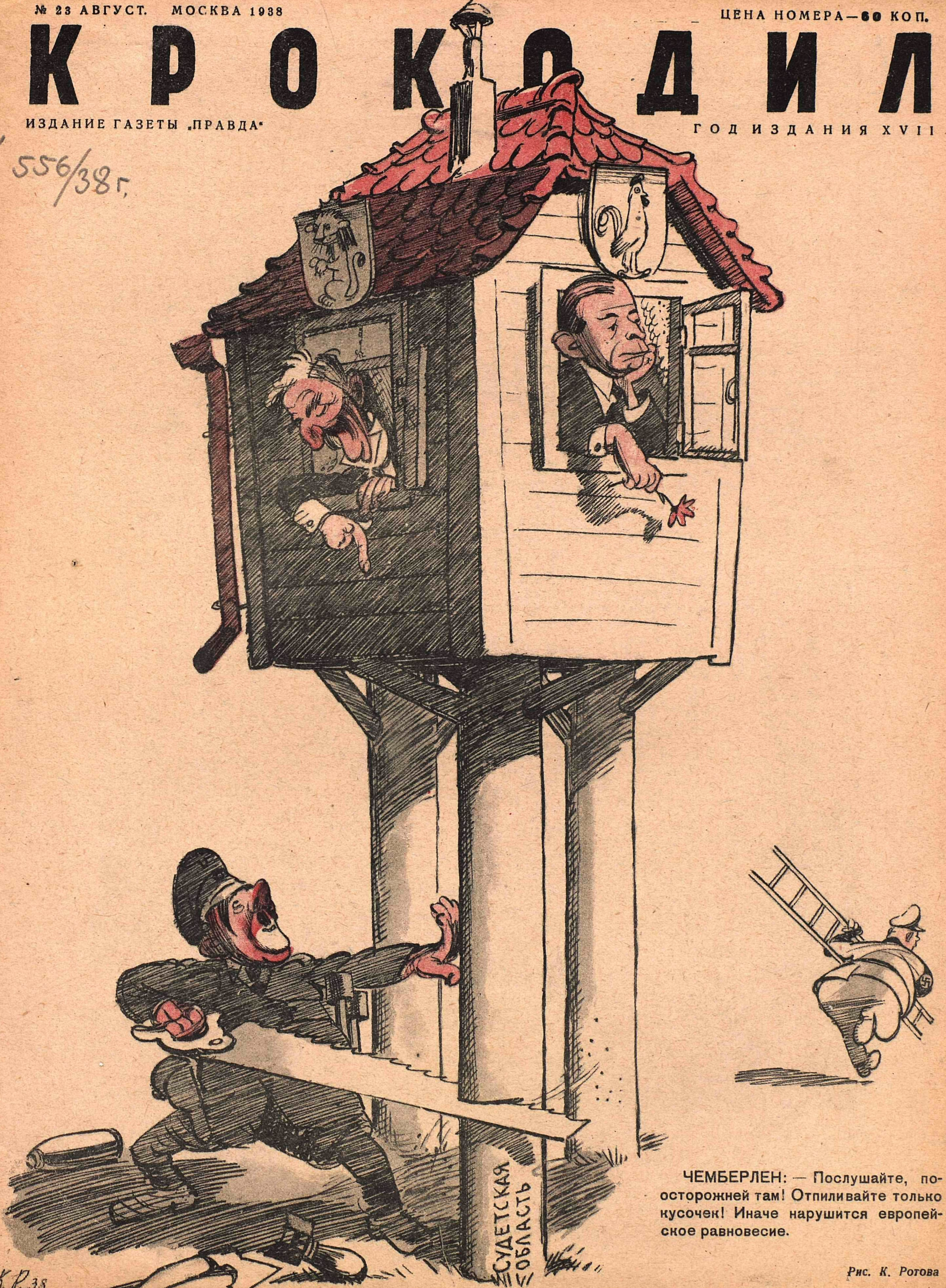

К Р О К О Д И Л

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

ГОД ИЗДАНИЯ ХVII

К 556/38г.

ЧЕМБЕРЛЕН: — Послушайте, по-осторожней там! Отпиливайте только кусочек! Иначе нарушится европейское равновесие.

Рис. К. Рогова

К. Р. 38.

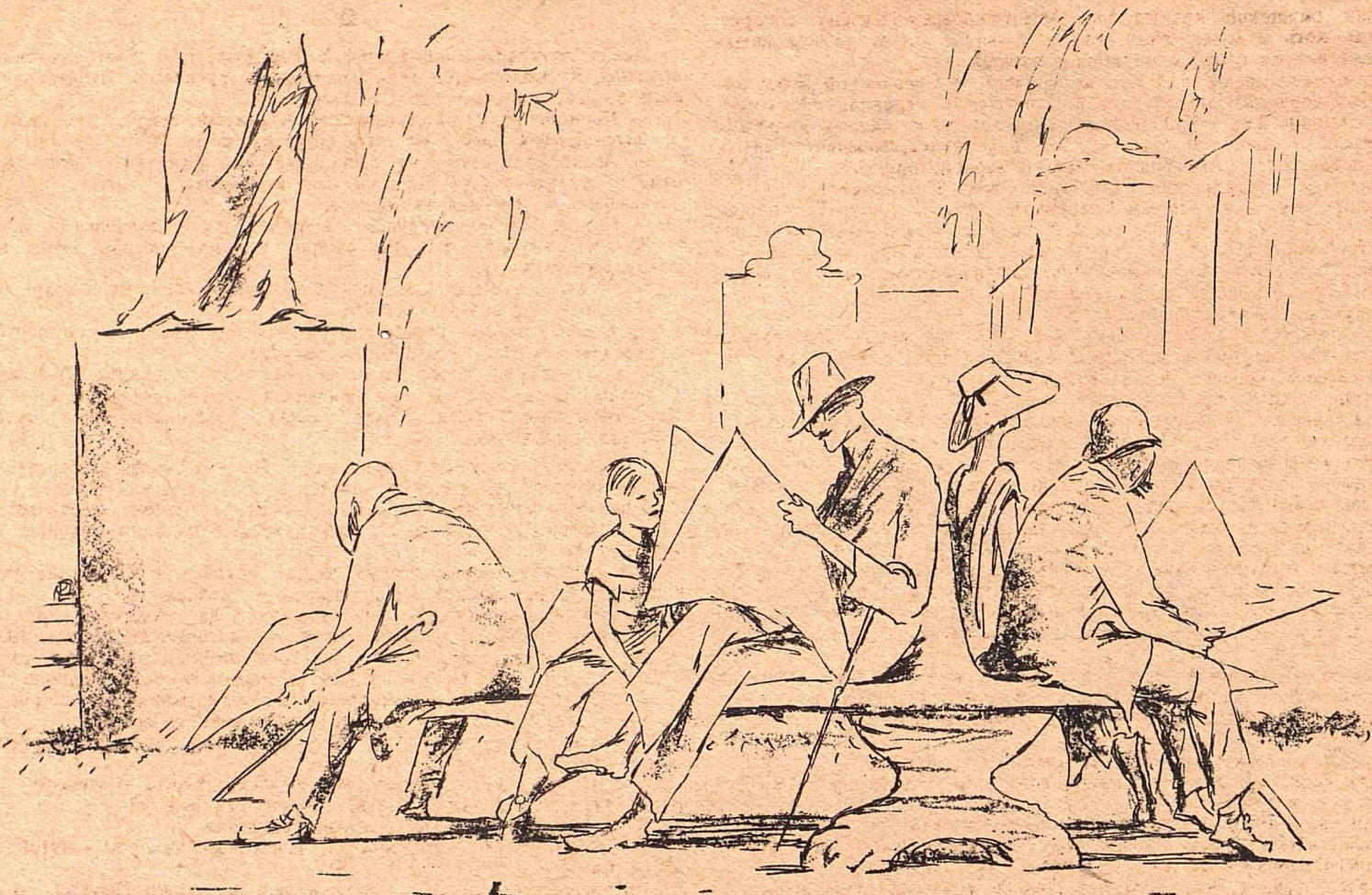

Рис. Л. Сойфертиса

ОХ, УЖ ЭТИ ДЕТИ!

- Папа, „Таймс“ — это английская газета?
- Сейчас германская.
- А почему ты два года назад говорил, что она итальянская?

С т е п а н и д а

КУЗЬМА Ангелов, рябой, щуплый и до удивления рыжий мужик, не пашет, не косит, а добывает рубли торговлишкой, извозом или ходит по засурским лесам, бьет лисиц, глухарей, тетеревишек.

Он болтлив, хвастлив, неумен, однако в жульнических делах сметлив и изворотлив чрезвычайно. В доколхозные времена он гнал самогон. Производительность и портативность его самогонного аппарата были вне конкуренции: аппарат струил три ведра за ночь, а прятать его можно было в лукошке. На станции Верхние Туи Кузьма сбывал пассажирам околевших кур, старую конину, порченные яйца и делал это с безукоризненным и, можно сказать, чарующим мастерством.

В первую революционную пору он избирался за шустрый язык на некоторые общественные должности, например был членом кредитного товарищества, казначеем деревенской организации охотников. Но держался Кузьма на этих долж-

ностях недолго, потому что считал, что выбран он не столько ради кое-какой работы, сколько ради воровства. Часть уворованного отдавал друзьям, приговаривая: «Не тот человек, кто как собака на сене, а тот человек, кто сам живет и другим жить дает».

Всякий раз, когда его срамили на собраниях и сгоняли с должности, Кузьма недоумевал, пожимал плечами, презрительно шурился, а под конец, рассердившись, вставал с места и оскорбленным тенором произносил слова, неведомо где подслушанные:

— Итак, мавр сделал свое дело, теперчи мавр может уйтить.

Он и в колхоз вошел в чаянии получить заведывающие харчами, кожей, стеклом, красками, шерстью... Влекла к себе Кузьму и должность агента, приобретающего для колхоза всякие товары. Однако правление послало его в бригаду, которая только тем и занимается, что уваживает землю, пашет, сеет, косит, молотит... Кузьму часто

срамили на собраниях за худую работу, вешали его фамилию на черную доску, обидно рисовали в стенной газете.

Однажды на собрании, где Кузьму поносили крутыми словами, а баба Просяха назвала его ландышем, Кузьма разгневался и, махнув рукой так, словно сносил ею города и страны, проговорил:

— Итак, мавр сделал свое дело, теперчи мавр может уйтить.

И Кузьма снова стал единоличником. Сперва он торговал на станции порченым товаром, а потом купил лошадь, дроги и стал возить со станции Туи командированных работников и просто пассажиров. Кроме Кузьмы на станцию выезжали еще три единоличника, но у тех и лошади, и дроги, и сбруя были похуже, а главное, эти извозчики не владели прельстительными словами, которыми владел Кузьма Ангелов. Например он говорил пассажирам: «Доставлю вас, ответственный, с большевистским темпом»; «Глядя по вашей личности, вы болеете за каждого трудящегося, а спор ведете за полтора рубля. Пожалте садиться, доставлю вас в сжатый срок»... Случалось, что Кузьма сажал на дроги по пять голов, брал с головы по десять рублей. Он пополнял, носил в праздники суконную тройку, желтые штилеты, купил для охоты великолепное центральное ружье, болотные сапоги...

Ему уже сорок лет, но он до сих пор не женился.

Иные деревенские старики, встречаясь с Кузьмой, говорят ему:

— Уж пора, Кузьма Егорыч, жениться. Пора.

Кузьма, смешливо шурился:

— Пушкин в своем сочинении так писал: «Чего жена делает, когда мужа дома нет?» Вот то-то и оно, папаша. Догадался, почему нет мне в этом нужды?

Старики смущенно кричат, но затем, обозрев Кузьму, говорят: — Ведь хоть и мужа дома нет, а с таким утлым да конопатым бабе, какая она ни будь, тоже плохое забавление.

Впрочем, иные знают, что Кузьма дружит со Степанидой Ягодиной, рослой, большерукой, зычной вдовой, которая до недавних пор торговала на станции Туи яблоками, ягодами, вареными раками, пирогами с зайчатинной... В прошлом году она вошла в колхоз, работает азартно, купила корову, овец. Амбары завалены зерном, крупами.

Недавно она сказала председателю колхоза Евстафьеву:

— Уплотнения мне, Прохор Васильич, нет. У других женщин в саду есть работа, на бахчах, на фермах. Или вон в мастерской пуговицы, гребешки делают. Им трудодни без остановки идут. А мне уплотнения нет: вот уборка кончится, картошку выкопаем, и вроде будто бы я уж без колхозного дела.

— Подумаю,— ответил председатель.

— Ты подумай, а я тоже хочу одно дело обдумать,— проговорила Степанида.— Вот картошку выкопаем, приду к тебе с этим делом-то. Колхозу от него большая польза будет.

— Ладно,— сказал председатель,— приходи.

Кузьма Ангелов дружит со Степанидой уже лет одиннадцать и, если долго не видит ее, сильно скучает. Вот и теперь он скучает, потому что не встречался со Степанидой почти четыре месяца. С прополки озимого поля до конца косовицы Степанида жила в таборе, а хозяйство вела старуха-мать.

Но вот уборка кончилась, и однажды, собираясь на станцию Туи, Кузьма Ангелов увидел Степаниду; она спешила к конному двору; на ней штаны и куртка, какие носят трактористы; Кузьма не любит ни тракторов, ни трактористов, ни желтых штанов, в которых работают трактористы, но сейчас, взглянув на дюжью, плотную Степаниду, восхитился: в этих штанах и куртке она была прелестительной, как никогда.

Рядом со Степанидой шли конюх Крылышкин и два инвалида гражданской войны. Кузьме показалось, что все трое занскивают перед Степанидой и склоняют ее к чему-то, а она отвечает им ругливым басом.

— Ах, ты моя жавороночка,— прошептал Кузьма.

Спросил себя: «А стоит ли нынче ехать на станцию? Не махнуть ли рукой да — к ней?»

Но увидел, как к станции спешит одиноличник-возница Егор Дымов, сказал себе: «Нет, нельзя. В эту пору командированный едет густо, да и прочего народу много...»

Собираясь, увидел, что переднее колесо «расхлябло» — надо его сменить. Неспеша пошел в клеть, долго возился с новым колесом, выехал за полчаса до поезда. Едучи, вдруг решил:

— Женюсь. Ну, не девица она, конечно, и не первой красоты, а что я буду искать прелестницу? Объявляю ей нынче эту радость — и пускай идет ко мне в избу.

Кузьма улыбался.

Поезд подходил к семафору. У коновязи, где стоят одиноличники-возницы, Кузьма увидел семь непонятных гарантасов. Что такое? Подъехав ближе, услышал бас Степаниды:

— Единоличники, в правый бок! В правый бок! В правый бок!

Егор Дымов кричал ей тревожным голосом:

— А кто ты есть тут распоряжаться? Становись, коли хочешь, сама в правый-то бок! Ишь ты как разгрозилась.

Степанида, наезжая на Дымова:

— Будет! Поспекуляничали! Освободи место колхозному звену.

К коновязи уже шли пассажиры. Кузьма, обогнув звено, выехал к ним навстречу.

— Куда? — азартно крикнула Степанида. — Отступай взад!..

Казалось, Кузьма не слышал ее.

— Ответственный, пожалуйста, — кричал он гражданину с портфелем, с чемоданом. — Вам, уважаемый, куда?

Гражданин уже хотел положить чемодан на дроги. Приблизились и другие пассажиры. И тут произошло невероятное. Встав между Кузьмой и пассажирами, дюжая, рослая Степанида подняла кнутовище и зычно произнесла:

— Всех доставим кому куда надо. Только сперва разберитесь: вот это — колхозное транспортное звено, а это — спекулянтское.

Показав кнутовищем на Кузьму, на Егора Дымова, добавила:

— Это вот которых в Москве депутаты намедни срамили. А мы работаем по таксе.

Старик Гремухин, инвалиды, конюх Пылаев и Степанида усадили в гарантасы четырнадцать пассажиров и поехали.

У дрог Кузьмы стояли лишь старушка да гражданин, приехавший заготовлять грибы. Это были совсем не интересные пассажиры. Старушка начала разговор о том, что она потеряла в вагоне двадцать рублей и поэтому уплатит Кузьме за провоз только трешницу.

Кузьма говорил с ними неохотно, как бы изыбшим голосом и думал о чем-то своем. Лицо его выражало изумление и неверие.

Подошел Егор Дымов, у которого были тоже малоинтересные пассажиры.

— Это что же? — горько усмехнулся Дымов. — Твоя-то милаха хочет ликвидацию нам сделать? Милаха-то твоя, а?

Лицо Кузьмы стало ощеренным, кусающим.

— Отойди, чорт! — крикнул он неистовым тенором. — Отойди, ворю! Отойди!..

Потряса кнутовищем, он кричал уже не только Дымову, но и старушке и гражданину, который приехал заготовлять грибы:

— Отойди!.. Отойди-и!..

— Псих, что ли? — спросил гражданин Егора Дымова.

Тот не сразу ответил:

— Станешь психом, коли твоя же милаха корни твои трясет.

А. КОЛОСОВ

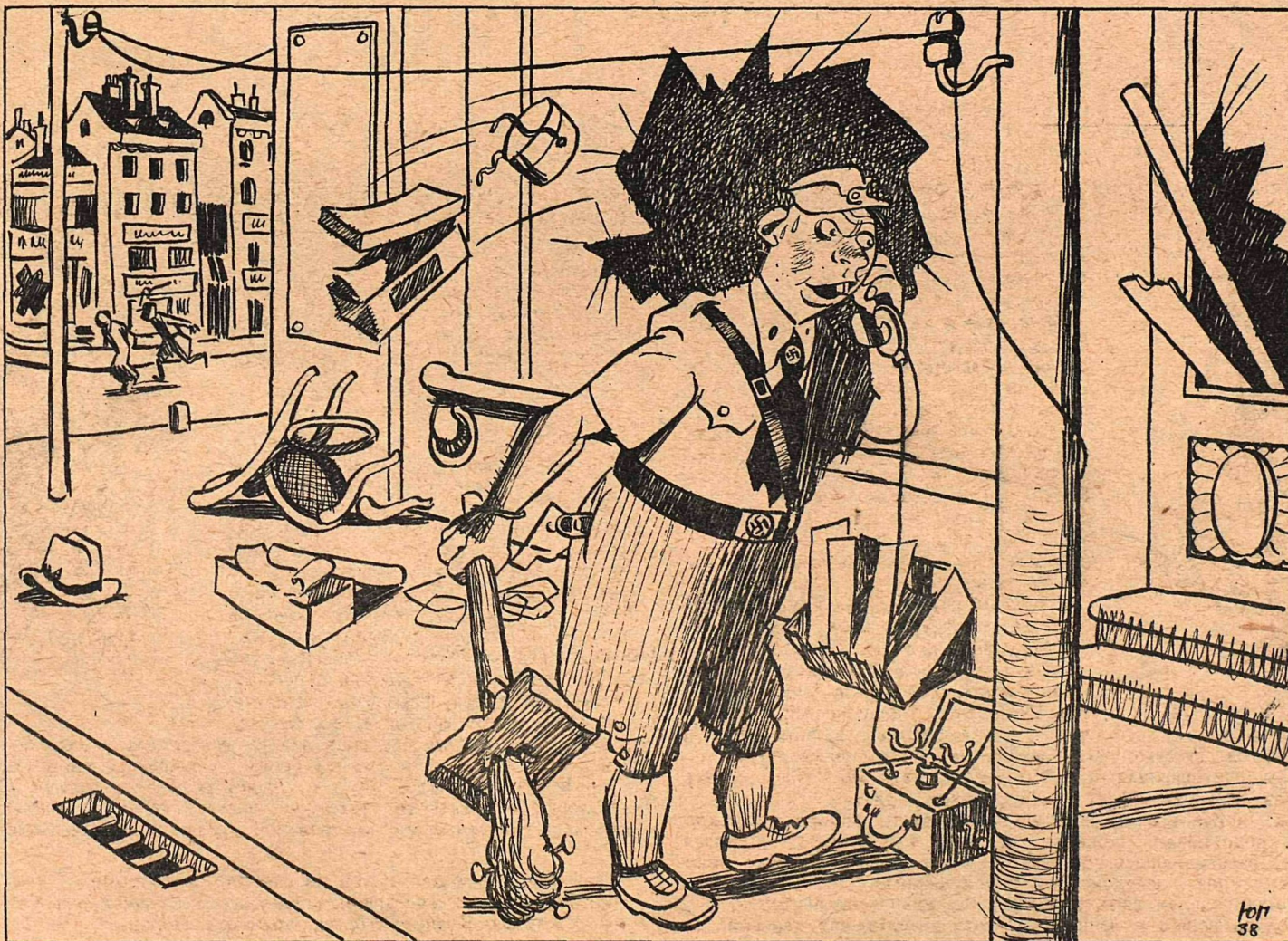
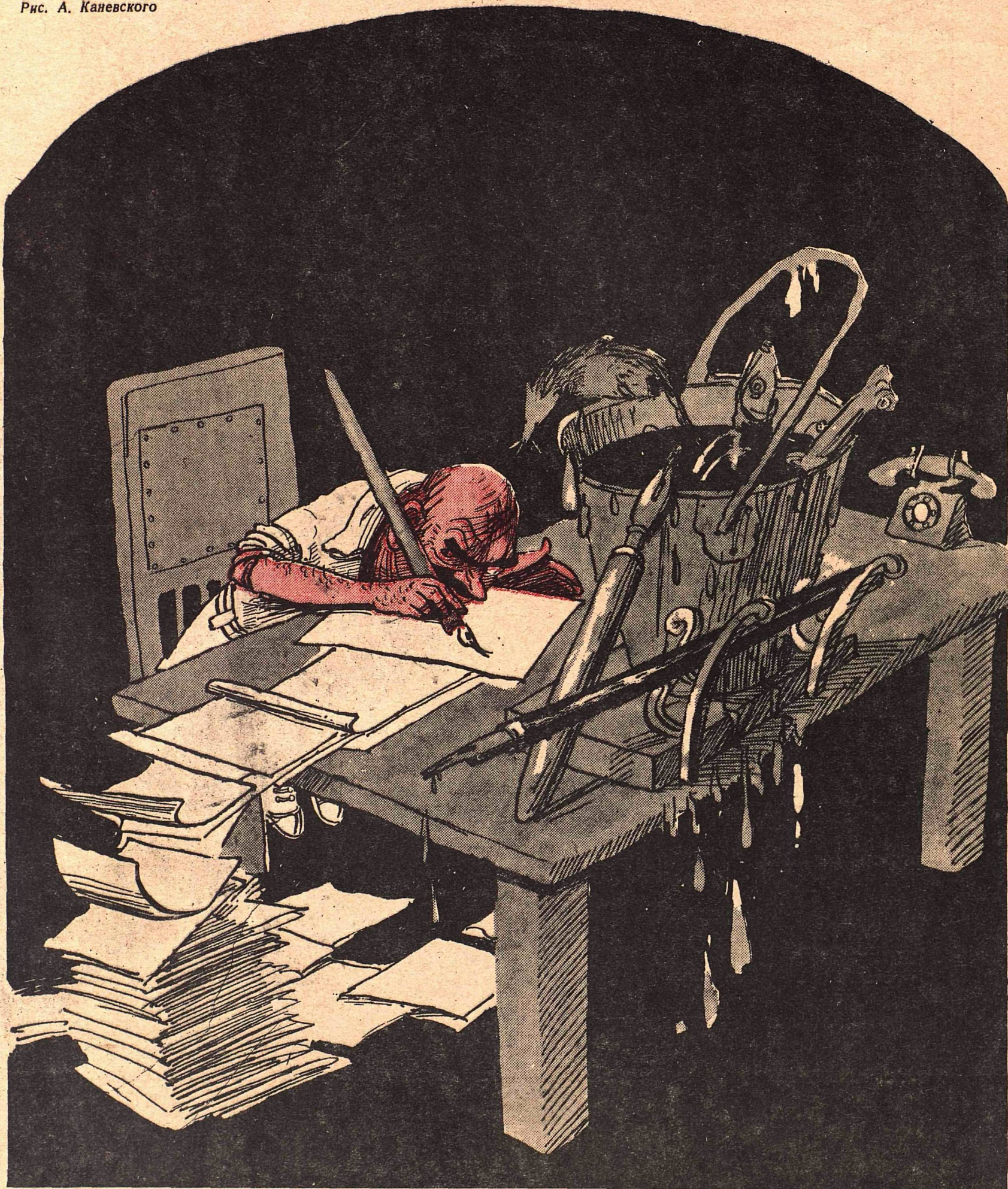

Рис. Ю. Ганфа

— Алло! Берхтесгаден! Согласно приказа стихийные выступления идут полным ходом. Что прикажете дальше?!

КЛЕВЕТНИК В ДЕЙСТВИИ

Рис. А. Каневского

„...настоящие вонючки далеко превосходят своих сродников...“
„...Никакая кухня химика, никакая помойная яма, словом, ни один запах на свете не может сравниться по силе и нетерпимости с тем, который распространяют эти изящные на вид животные...“
„...Животные эти, несмотря на свой малый рост, очень страшные враги для человека...“
А. Брэм („Жизнь животных“)
„...Эта органическая способность В. доставляет ей сильнейшее орудие самозащиты...“
(Большая советская энциклопедия)

Рис. А. Каневского

— Ну-с, ребята, кто опоздал к занятиям?
 — Ира Щукина, Сеня Птицын и Коля Сундуков.
 — Это какой Коля Сундуков?
 — Как какой! Директор Учпедгиза, который опоздал с учебниками.

В Мамадыше удивляются

НЕДАВНО мы случайно познакомились с одним приезжим из города Мамадыша.

— Большой город Мамадыш? — спросили мы.
 — Нет. Это небольшой районный центр в Татарии. Семь — восемь тысяч населения.
 — Чем занимаются ваши жители?
 — Конечно, каждый занят своим делом. А все вместе — удивляются.
 — Что?
 — Удивляются!
 — И давно это с вами?
 — Началось в первых числах мая.
 — И до сих пор?
 — Да. До сих пор удивляются.

Из дальнейшей беседы с приезжим мы узнали следующее.

Жители города Мамадыша, в Татарии, до последнего времени были уверены в том, что в Наркомате зерновых и животноводческих совхозов РСФСР царит образцовый порядок, что там сплошная небесная синева без единого облачка.

Более того, жители города Мамадыша считали, что нарком товарищ Ступов прекрасно осведомлен о том, что делается в подведомственном ему Наркомате.

Вот почему в Мамадыше очень удивлялись следующему печальному обстоятельству: совхоз «Агробаза» послал уже несколько писем в Наркомат, а оттуда ни ответа, ни привета.

— Может, письма на почте затерялись? Не верим, чтоб Наркомат пренебрегал нами. Не такое это учреждение.

В своих письмах руководители совхоза просили срочно отпустить средства на строительство и ремонт свинарников и коровников.

Руководители совхоза писали в Наркомат

тревожные письма: 250 голов скота находятся на улице, а ведь за летом придет зима.

Но письма где-то пропадали. Наркомат хранил гордое молчание.

В Мамадыше справедливо решили: Обратимся к самому наркому. Товарищ Ступов ответит. Это не такой человек, чтоб молчать, когда к нему обращаются. И как это мы раньше об этом не подумали!..

Так оно и было. Товарищ Ступов немедленно ответил.

И вот что он ответил 10 июля сего 1938 года:

«Совершенно неправильны утверждения работников совхоза об отсутствии средств на ремонт животноводческих построек в текущем году... 4 апреля переведено на строительство 17,5 тысячи рублей...»

Какой позор! Какой стыд! Все жители города Мамадыша повально краснели от стыда. Оказывается, свыше трех месяцев тому назад Наркомат перевел деньги, а они, мамадышевские шляпы, ничего не знали и еще смели беспокоить наркома.

Но где же деньги?

— Опять почта подвела! Ох, плоха у нас еще связь. Надо будет обсудить на следующем заседании.

Кинулись на почту. Перерыли там все бумаги и бумажки. Нет денежного перевода из Наркомата.

— Видать, на сей раз почта тут не при чем. По всей вероятности, деньги застряли в отделении Госбанка. В который раз Госбанк подводит нас! Придется обсудить на следующем заседании.

Кинулись в отделение Госбанка. Перерыли там все бумаги и бумажки. Нет денежного перевода из Наркомата.

Где же деньги?

Ведь сам нарком пишет. А нарком, слава богу, не маленький: он-то хорошо знает, о чем пишет.

На всякий случай решили для уточнения вопроса послать человека в Москву, в Наркомат.

Приезжает человек в Москву, ходит несколько дней по Наркомату и в конце концов выясняет: наркома обманули, денег в Мамадыш никто и не думал посылать.

Товарищ Ступов, узнав об этом, сильно осерчал и 22 июля издал приказ по Наркомату:

«За обман о переводе денег для совхоза «Агробаза» начальника строительной группы управления свиносовхозов Поволжья Соломенцева С. Я. с работы снять.

Начальнику управления свиносовхозов Поволжья товарищу Лихачеву и начальнику финансового отдела товарищу Озик поставить на вид.

Предложить товарищу Лихачеву немедленно перечислить 17 тысяч рублей для совхоза «Агробаза» на капитальное строительство».

Уехал мамадышский посланец, увезя с собой приказ наркома в боковом кармане и твердую надежду в душе:

«Теперь деньги будут. Сам нарком подписал! «Немедленно!» Это вам не шуточки...»

На вашем лице, читатель, видим недоверчивую улыбку. Ну, и догадливый ныне пошел читатель!

Да! До сих пор жители Мамадыша не перестают удивляться:

— Ведь сам нарком подписал! А ведь нарком — не такой человек, чтоб шутить подобными вещами. А, все-таки, где же деньги?..

Г. РЫКЛИН.

Рис. Л. Генча

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ РЕЙС

— Счастливо долететь, сэр! Ах, если бы вы могли сделать заодно маленький крюк и сбросить эту штучку над Прагой!

КАССАЦИОННЫЙ судья Коляков сидел в судебном зале на своем почетном стуле с высокой спинкой, украшенной государственным гербом, и делал вид, что слушает объяснения маленького толстенького защитника с младенчески-свежими щечками и обширной лысиной. Он даже важно кивал головой, как бы поощряя убедительное журчанье защиты. Высокий черноусый завхоз — жалобщик, осужденный народным судом на шесть месяцев принудительных работ за какую-то неприятную путаницу с подотчетными суммами, — глядел на Колякова преданными глазами и тоскливо переминался с ноги на ногу.

«За бумажками не видит человека! — желчно размышлял Коляков, вспоминая вчерашний актив, на котором ему крепко досталось от молодого члена суда Болшина. — Груб с защитниками и подсудимыми! Подумаешь!.. Все они жулики и прохвосты!.. И этот, наверное, жулик!.. Ишь усищи какие отрасли, разбойник!.. И в защитники жулика себе взял. Болшин-то, Болшин, — вот змея!»

Он представил себе улыбающееся розовое лицо члена суда Болшина, вспомнил, как все смеялись, когда Болшин изображал его манеру обрывать защитников, — и почувствовал острый приступ злости.

Коляков снял пенсне, измерил толстенького защитника с ног до головы холодным оценивающим взглядом, — так в библейские времена патриарха родов, засучивая рукава хитонов на волосатых руках, оглядывали теленка перед закланьем — и резко сказал:

— Это относится к оценке. Суда второй инстанции это не касается! Прекратите ваше... красноречие!

Формула «это относится к оценке» была любимой фразой судьи Колякова. Это была очень удобная, выверенная, бьющая наповал фраза, вроде сказочной дубинки-самобой. Зачем затруднять себя разбором доводов защиты по существу, когда достаточно произнести это могучее заклинание, — и в едливый защитник застынет с открытым ртом?!

Так случилось и сейчас. Толстенький защитник запнулся и покраснел, черноусый завхоз растерянно заморгал глазами, а Коляков, наслаждаясь эффектом, с удовольствием повторил:

— Это относится к оценке!..

Как раз в этот момент член суда Вера Петровна, сидевшая рядом с Коляковым, наклонилась к его уху и тихо сказала:

— Обрати внимание. На второй скамье у окна. В голубой кофточке. Записывает!..

Коляков нашел глазами вторую скамейку и увидел худенькую девушку в голубой вязаной кофточке. Взгляды их встретились. Девушка поправила волосы, равнодушно отвела глаза в сторону и что-то записала в блокнот, лежавший у нее на коленях.

Судье Колякову стало не по себе.

«Из газеты, поди, корреспондентка, — подумал он. — Болшин подослал! Ишь как строчит!.. А я при ней этого.. пузатого оборвал.. Нехорошо!..»

— Что же вы остановились! — вдруг ласково сказал судья, обращаясь к толстенькому защитнику. — Выпейте водички — продолжайте.

Он налил из графина воды в стакан и подал ошеломленному защитнику, а сам искоса опять посмотрел на девушку в голубой кофточке, желая проверить, какое впечатление произвел на корреспондентку этот акт высшей судейской гуманности.

Девушке-корреспондентке акт высшей гуманности, видимо, понравился: она улыбнулась и опять наклонилась к своему блокноту.

«Записала! — удовлетворенно подумал Коляков. — Ловко я смягчил впечатление!»

Выпив водички, толстенький защитник приободрился и с новым жаром заговорил о расписках и отчетах черноусого завхоза.

Ох, как хотелось Колякову прервать его, сказать, что «это относится к оценке», обругать, лишит слова, дать понять, что все судящиеся люди и защитники их — жулики, которых он, Коляков, видит насквозь, — но стоило ему только встретиться взглядом с девушкой в голубой кофте, как это желание почему-то мгновенно пропадало.

«Записывает! — беспокойно думал Коляков. — Что она, черт ее дерит, все время пишет? Неужели статью здесь прямо набело катает?!»

— Продолжайте! — ласково говорил он толстенькому защитнику.

Стали разбирать второе дело. Девушка в голубой кофте, переставшая было заполнять страницы своего блокнота, снова энергично взялась за работу. Разобрали еще одно дело. Девушка загадочно улыбалась и писала. А после шестого дела в судейском буфете защитники уже гудели, как потревоженные шмели.

— Что такое с нашим людоедом? Узнать нельзя!..

— Михаила Осиповича собственноручно водой поил!

— Ни разу про «оценку» не вспомнил!..

Когда в зале, кроме девушки в голубой кофте и пожилой женщины с сердитым и сонным лицом, никого не оказалось, судья Коляков облегченно вздохнул. Осталось разобрать последнее дело.

«Оставил Болшина в дураках! — радостно думал Коляков. — Подослал, жулик, корреспондентку и засыпался. А вдруг она возьмет, да и напишет положительный очерк и фамилию мою назовет».

Коляков нежно, по-отечески, поглядел на корреспондентку и сказал, беря папку с последним делом:

— Слушается жалоба Евдокии Тушкиной по делу о недостатке конфет в ларьке Райпищеторга № 8. Евдокия Тушкина, идите сюда!..

Девушка в голубой кофточке вскочила с места и, глядя в исписанный блокнот, зачестила:

— И никакой недостачи не было, граждане судьи. Тут у меня все записано. Я, значит, получила на базе 15 кило раковых шеек!..

Коляков свирепо сверкнул стеклами пенсне на улыбающуюся Веру Петровну, густо налился кровью и оглушительно рявкнул:

— Это относится к оценке! Говорите короче!..

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Рис. Л. Сойфертиса

— Стулья есть?
— Были, совсем недавно были. Но „Облсоюзмебель“ забрал последние для заседаний.

Умопомрачительное невежество

Есть в нашей истории славное имя — Суворов. Все, что было лучшего в русском солдате, воплотилось в этом полководце: презрение к опасности, быстрый, находчивый ум, прямота речей и поступков, готовность умереть за родную страну.

И есть в нашей истории мрачное имя — Муравьев, по прозвищу Вешатель. Этот «жирный инквизитор в одышке», эта «помесь бегемота и бульдога» — одна из самых презренных фигур, какие только знала царская эпоха. Кровавый усмиритель восстания 1863 года, организатор террора, он был даже в придворных кругах прозван «людоедом».

Смешать этого людоеда с Суворовым можно только в припадке умопомрачительного невежества.

Такой припадок случился наднях с К. Осиповым, автором новой биографии Суворова, вышедшей в «Молодой гвардии» в серии «Жизнь замечательных людей».

На стр. 191 этого злополучного опуса приводятся хвалебные стихи, воспевающие людоеда Муравьева, и автор книги облыжно уверяет, что этот людоед — не Муравьев, а... Суворов!

Для утверждения этой кошунственной лжи К. Осипов сообщает; будто «в 1863 году, после подавления польского восстания, в Петербурге зародилась мысль устроить чествование Суворова (?!), как главного завоевателя Польши: к чествованию был привлечен внук полководца князь А. А. Суворов. Однако он прислал отказ... В ответ на это поэт Тютчев опубликовал (?!) наделавшее много шума стихотворение:

Гуманный внук воинственного деда,
Простите нам, наш симпатичный князь,
Что русского честим мы людоеда,
Мы, русские, Европы не спрося.

К. Осипову невдомек, что не полководца Суворова собирались чествовать в 1863 году, а палача Муравьева. Именно от этого чествования отказался внук полководца, сказавший свою знаменитую фразу:

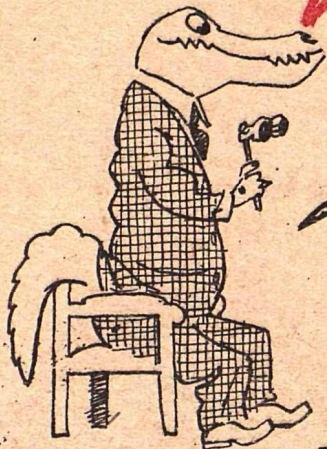
— Я людоедов не чествую!
Не Суворов изображается в стихотворении Тютчева, а Муравьев. Это твердо установленный факт, о котором свидетельствует сам Тютчев в известном письме к жене (от 13 ноября 1863 года). Во всех изданиях сочинений Тютчева указывается, что под «людоедом» он разумел Муравьева.

Совершенно непонятно, как можно было допустить, чтобы в книге, посвященной Суворову, великого полководца смешивали с известным палачом и душителем!

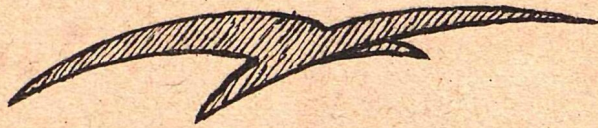
К. ЧУКОВСКИЙ.

Театральный сезон открывается

Прелюдия

КРОКОДИЛ (ЧАЙКЕ):
 — ДЛЯ СВОИХ СОРОКА
 ЛЕТ ВЫ ВЫГЛЯДИТЕ
 ПРЕКРАСНО И МОЛОДО!

В. КАТАЕВ

ШЕЛ СОЛДАТ С ФРОНТА,
 ЗАШЕЛ В ДЕТИЗДАТ, ПОТОМ
 В ГОСЛИТИЗДАТ, ПО ДОРОГЕ ЗАГЛЯ-
 НУЛ В КИНО, СДЕЛАЛ ПРИВАЛ В ТЕАТРЕ
 ВАХТАНГОВА И ПОШЕЛ ДАЛЬШЕ

СУСАНИН (ГОРОДЕЦКОМУ):
 — КУДА ТЫ ЗАВЕЛ НАС?
 НЕ ВИДНО НИ ЗГИ!

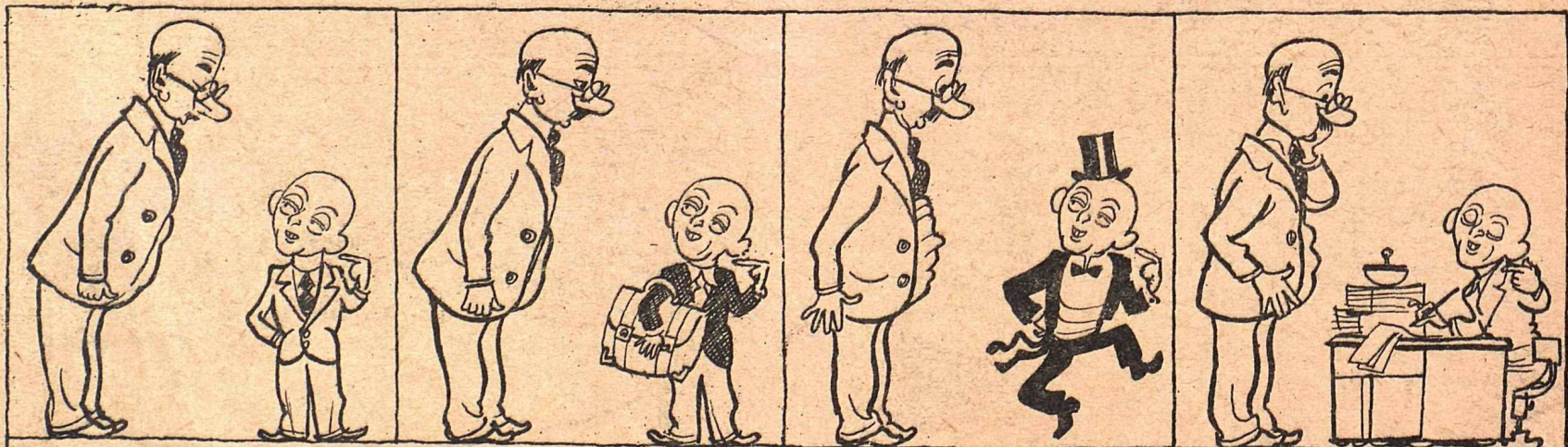

ПОСТРОЙКА ПЬЕСЫ «РОДНОЙ».
 ГОВОРЯТ, ЭТОТ «РОДНОЙ ДОМ» РУ-
 СТАНДАРТНЫХ ДОМИКОВ НА

НА ЭСТРАДЕ

— РЕПЕРТУАР НАШЕЙ ЭСТРАДЫ
 ПРЯМО КАК «ГОРЕ ОТ УМА»: ЕМУ
 ТОЖЕ ОКОЛО СТА ЛЕТ.

ЗРИТЕЛЬ: — Можно видеть
 директора?

Ярон: — Пожалуйста,
 это я.

— А РЕЖИССЕРА?

— Ну, конечно. Я к
 ВАШИМ УСЛУГАМ.

— А ГЛАВНОГО АКТЕРА?

— И ВЫ ЕЩЕ СПРАШИ-
 ВАЕТЕ? Я!

— А АВТОРА?

— АВТОР ПО СЧАСТЛИ-
 ВОМУ СТЕЧЕНИЮ
 ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ТОЖЕ Я.

ПОГ
 ДЖИ
 ДА-В

Звонок...

МАТЬ ИЗ "СЛАВЫ" ГУСЕВА

МАТЬ ИЗ ПЬЕСЫ "ЧУЖОЙ" СОЛОВЬЕВА

МАТЬ ИЗ ПЬЕСЫ "СЫНОВЬЯ" ФИННА

БАБУШКА ИЗ "РОДНОГО ДОМА" РОМАШОВА

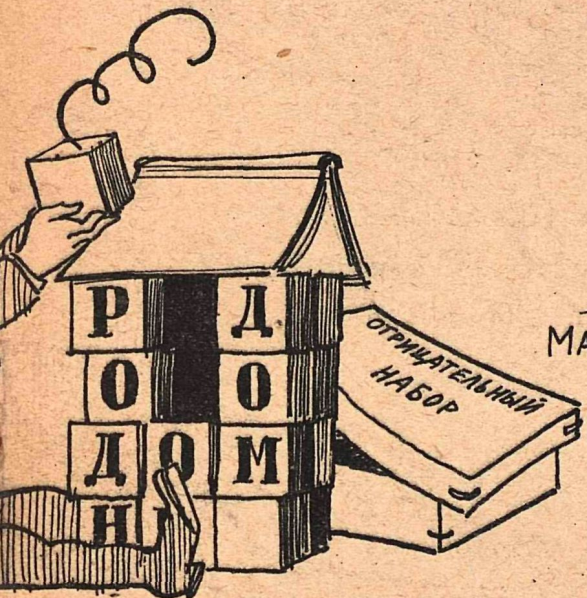

КРОКОДИЛ ПРЕДЛАГАЕТ ЕЩЕ ОДНУ НЕЗАНЯТУЮ СТАРУШКУ ДЛЯ НОВЫХ ПЬЕС. ХВАТАЙТЕ, НАМ НЕ ЖАЛКО!

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЕВРЕЙСКИЙ
ТЕАТР

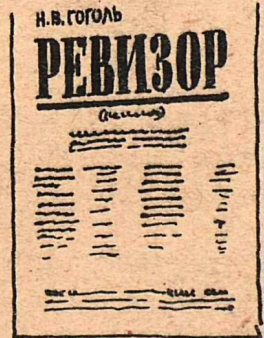
ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ (ГОГОЛЮ):
— А ПОВОРОТИСЬ, СЫНКУ! ПОКАЖИ, ЧТО ИЗ ТЕБЯ СДЕЛАЛИ В ГОСЕТЕ?

ДОМ ИЗ СТАНДАРТНЫХ ЧАСТЕЙ. РАЗВАЛИЛСЯ. А СКОЛЬКО ЕЩЕ ТАКИХ ДОМОВ НА УЛИЦЕ НАШЕЙ ДРАМАТУРГИИ?..

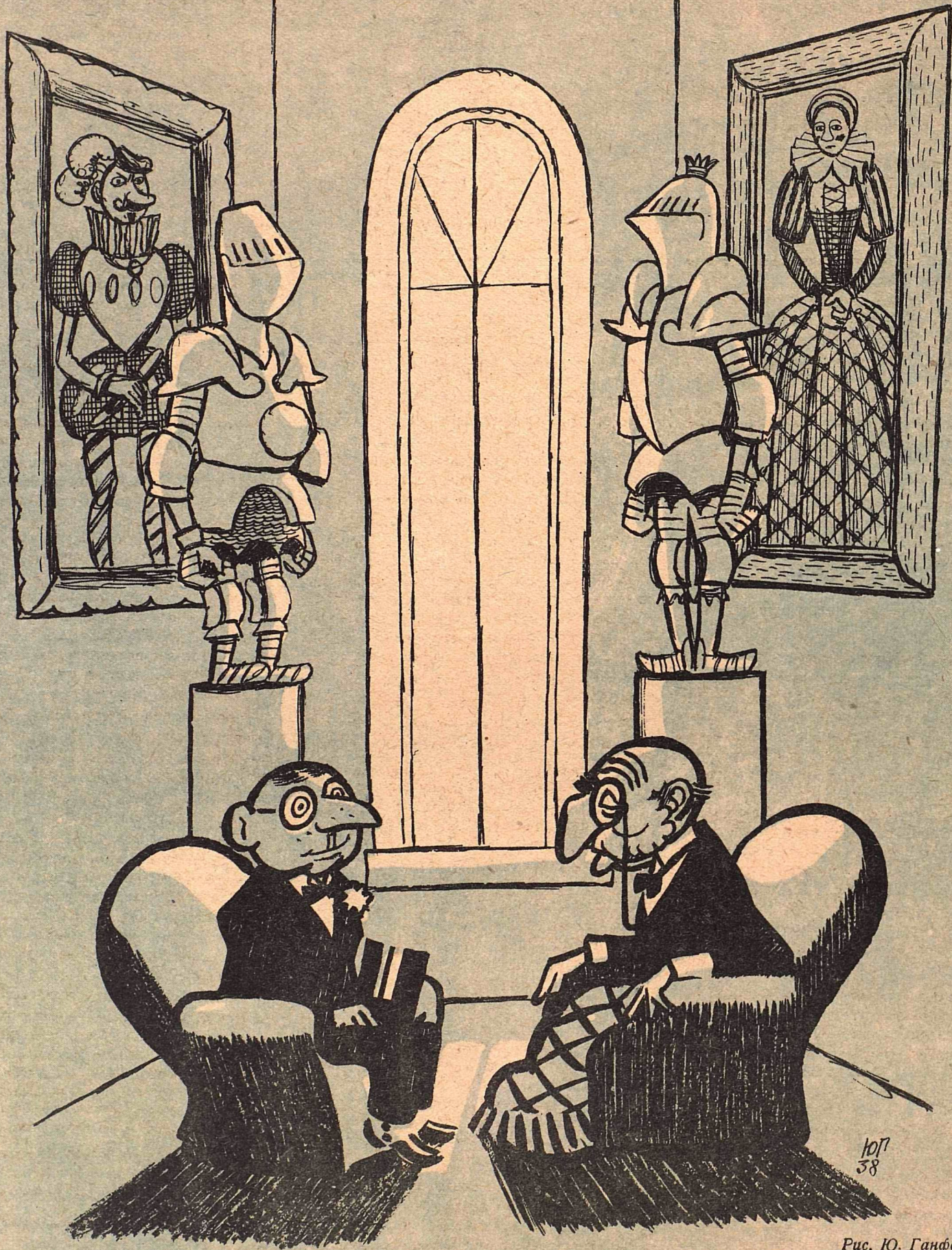
ОДИН: — КТО СКАЗАЛ, ЧТО НА РАМОНДЕ НАПИСАЛ ЛЕОНАРДО ДА Винчи?!

СЕКЦИЯ
ДРАМАТУРГОВ

— И ВСЕ-ТАКИ "...К НАМ ЕДЕТ РЕВИЗОР.."

ЮГ
38

Рис. Ю. Ганфа

В СТАРИННОМ ЗАМКЕ

— Говорят, милорд, последнее время в вашем кабинете больше не появляется привидение?
— Увы, нам пришлось от него отказаться. Оно оказалось германским шпионом.

Накануне выходного дня начальник пункта скорой помощи доктор Волк с женой Раечкой и с сыном Маратом поехал на дачу, за город, к тете Мане.

— Чорт подери эту природу! — благодушно говорил доктор Волк, сидя белой ночью у тети Мани на террасе. — Чорт бы ее подрал. Как она все-таки бодрит. Я чувствую в себе совершенно небывалый подъем сил! А ты, Раечка? Тетя Маня, эта природа сделает, в конце концов, из вас просто Геркулеса. Налейте-ка мне еще стаканчик с лимончиком...

Доктор Волк сидел в носках, шевелил под столом пальцами ног, полной грудью вдыхал в себя чистый, дачный воздух и никак не мог примириться с тем, что здесь он пробудет только завтрашний день.

Всю ночь доктора Волка, Раечку и Марата кусали клопы, рядом, за фанерной стенкой, кашляла тетя Маня, доктор Волк не выспался, но чувствовал себя отлично.

Завтракали жареной рыбой. Тетя Маня была очень скупа, и доктор несколько раз подозрительно понюхал жареную рыбу.

— Маратик, не ешь, — шопотом сказал доктор, — ешь лучше булочку с маслом...

— А что — вонючая? — громко спросил Марат.

Произошла неловкость. Чтобы не обидеть тетю Маню, доктор Волк съел свою порцию рыбы и попросил еще. После завтрака доктор пошел в сад и лег в шезлонге. Через час ему стало нехорошо: он услышал какой-то звон, голова начала легко кружиться, в желудке повернулось нечто вроде остроугольного камня. Доктор Волк издал слабый стон, закатил глаза и хриплым голосом позвал жену. Ни жена, ни Марат, ни тетя Маня не откликнулись: все ушли купаться. «Может быть, все-таки пройдет и без врачебной помощи: страсть, как не люблю обращаться к докторам», — подумал доктор Волк, но тут в животе стало происходить такое, что он вскрикнул и на четвереньках пополз к террасе.

Короче говоря, начальник пункта скорой помощи доктор Волк, отравившись жареной рыбой, принужден был вызвать к себе карету скорой помощи. Раечка побежала звонить к автомату, тетя Маня бледная сидела над доктором, маленький Марат ныл, что хочет мороженого, а доктор, потеряв всякое благодушие, вращал белками запавших глаз и говорил между стонами:

— Нет, почему вы сами не ели? Объясните: почему вы сами не ели? Вы знали, что рыба тухлая? Отвечайте, мадам, вы знали, что рыба тухлая?

— И это муж моей племянницы! — вскрикнула тетя Маня. — Посмотрите, люди, это муж моей племянницы!

— О, как я страдаю, — стонал доктор Волк, — о, как я отдам вас под суд, старая ведьма! Я был санитарным врачом четыре года! За продажу несвежего пива я отдавал под суд!

Так что же я должен сделать за тухлую рыбу?!

— Опустите пять гривенников, — сказал металлический голос телефонистки, — один гривенник, два, три, четыре, пять. Соединяю. Говорите — я вас соединила со скорой помощью...

— Доктор Волк заболел! — кричала Раечка. — Вы слышите, доктор Волк заболел, это говорит жена доктора Волка. Вышлите карету!

— Мы в пригород карет не высылаем, — сказал веселый голос, — мы высылаем кареты только в черте города.

Раечка молила и нарочно громко рыдала в телефонную трубку, она кричала о чуткости и об отношении к живому человеку, который может умереть, она кричала о том, что доктор Волк им всем покажет и что она сама напишет во все газеты и еще куда-то и что Евгений Адольфович тоже будет в курсе дела.

Машина пришла через четыре часа.

— Кто рожает? — спросил санитар, войдя в комнату, в которой мучился доктор Волк.

— А вам надо, чтоб я рожал?! — цинично спросил доктор.

— Как я вижу, тут никто не рожает, — строго сказал санитар, — а наша машина обслуживает только рожениц! Так что это был ложный вызов.

Маленький Марат, поняв, что ему не удастся проехать на машине скорой помощи, заревел во весь голос. Доктор Волк дернул его за ухо и бросился вслед за уходящим санитаром. Но санитар сел в машину, сказал шоферу: «Погоняй!», и машина укатила.

— Миленькое учреждение, — сказал доктор Волк, — это надо себе представить, какие тут работники!

Вторая машина пришла ночью. Доктора Волка уложили на носилки, Раечка и сонный Марат сели на скамейку, и машина тронулась. У шофера был график, и поэтому он гнал так, что доктор Волк восемь раз больно ударился головой и всю половину пути не лежал, а сидел: сидя меньше трясло.

Брат милосердия, сидевший в удобном углу машины, мирно спал. Шофер и другой брат милосердия заунывными голосами пели песню. Мимо летели телеграфные столбы, елки, болотца.

— Это все надо реорганизовать, — говорил доктор Волк — это все надо вкорме изменить.

В общем доктор Волк был честным человеком. Ни санитару, ни шоферу, ни доктору в

приемном покое, никому он не сказал, что он тоже врач и что поэтому к нему нужно относиться лучше чем к обычным больным. Природа сама справилась с отравлением, доктору Волку стало легче, и чем дальше, тем интереснее делалось ему прикидываться рядовым больным и изнутри узнавать все, что происходит в его ведомстве.

А изнутри было вот что: во-первых, доктору Волку никто не поверил, что он отравился рыбой. Его почему-то положили в изолятор и накричали на него за то, что он позволил себе выразить сомнение... Потом ему почему-то постригли голову. Потом ему дали лекарство, которое ни в коем случае не следовало давать при отравлении. Доктор Волк от лекарства скромно отказался.

— Ах, так! — сказала медицинская сестра. — Тогда как угодно. — И, пожав плечами, ушла.

До утра доктор Волк пролежал в изоляторе один. Утром он выписался из больницы и пошел к себе на станцию скорой помощи. Сослуживцы встретили его почти восторженно. Ему жали руки, высказывали соболезнования, сокрушались над ним, а Марья Львовна, диспетчер, даже поцеловала его в щеку. Как-то неловко было сразу же разносить. Потом с докладом пришел старший шофер и пожаловался на шофера Ануфриева за то, что шофер Ануфриев не выполняет графика и возит больных медленнее, чем следует. Доктор Волк вызвал шофера Ануфриева.

— Больные жалуются, — сказал Ануфриев, — говорят, трясет очень...

— Извольте выполнять приказание начальника пункта, — сказал доктор Волк, — извольте подчиняться графику. А если не угодно, переходите на перевозку молока.

Потом доктор Волк поехал доставать резиновые покрышки. Потом доктор Волк съездил домой позавтракать. А под вечер на станцию скорой помощи приехала ревизия. Доктор Волк ходил с ревизорами из комнаты в комнату, потирал руки и очень радовался, что учреждение, видимо, произвело на ревизоров неплохое впечатление.

— Работаем, стараемся, из сил выбиваемся, — говорил доктор Волк, — и должен вам сказать, имеем неплохие показатели... Но должен вам пожаловаться, больницы работают из рук вон плохо. Один мой знакомый случайно попал в больницу с отравлением. Так, знаете ли, его положили почему-то в изолятор, постригли ему почему-то голову... Очень нехорошо...

Отходя в этот день ко сну, доктор Волк говорил своей Раечке:

— Я им сегодня приготовил такой компот...

— Скорой помощи? — наивно спросила Раечка.

— Почему скорой помощи? Что мы хуже всех? Больнице.

— А... А скорой помощи?

Но доктор Волк ничего не ответил. Он уже спал.

ЮРИЙ GERMAN

ПРИВЕТ НОВИЧКАМ

Накануне их можно было видеть во всех парикмахерских. Мальчики с решительным видом занимали кресла и просили остричь их «под машинку», девочки просили остричь их так, чтобы могла расти косица.

Весь день прошел в хлопотах: первоклассники по несколько раз укладывали учебники и тетради, сумки и ранцы, вынимали обратно и вновь укладывали. Присутствовавшим при этом сестричкам и братишкам разрешалось проделать то же самое, но когда дело подходило к концу и наступало самое интересное, первоклассник резко отбирал у малыша сумку и ремешки затягивал сам.

У себя во дворе первоклассники держали себя обособленно: то они маршировали, как призывники, и громко молоденькими петушинными голосами распевали «От края и до края», то они ходили в обнимку (мальчики отдельно и девочки отдельно) и о чем-то сладко шептались. И разговоры были особенные.

— Тебе купили ранец или сумку?

— Сумку.

— Ранец — лучше: руки не заняты. А вдруг нападут?.. А при сумке — одна рука всегда занята.

Это было чрезвычайно убедительно. Владелец сумки огорчился. Но тут же выяснилось, что этой же сумкой можно защищаться — это раз, а, во-вторых, сумку можно зажать между ногами — и вот тебе — готов к обороне.

А девочка Маня сказала нараспев:

— Ученикам нельзя драться. Ученикам нельзя драться.

— Можно, только чтобы учителю на глаза не попасться, — заметил Вовка и плюнул очень далеко сквозь зубы. Он на дворе плевал дальше всех.

— Ученикам нельзя плевать, — опять вмешалась Маня.

Первоклассники в этот день плохо ели. Супа не ели, мяса не ели, один арбуз ели. От арбуза никогда не откажешься. Спать легли намного раньше обыкновенного. Перед сном еще раз были просмотрены книги и сосчитаны тетради.

Проснулись первоклассники чуть свет. Они готовы были немедленно, не умывшись, бежать в школу. Стоило немало труда успокоить их. Но все равно никто уже не спал. Чаю, конечно, не пили. Где уж там до чая!

И вот с 8 часов утра школьный двор стал заполняться детьми. С некоторыми первоклассниками пришли их младшие братишки и сестренки. По заплаканным глазам можно было судить, что немало было пролито слез прежде, чем маленькие завоевали это право. Теперь они стояли тихие, в боевых испанских сапожках, возле своих матерей и беспрерывно зевали: им дьявольски хотелось спать.

Первоклассники выглядели свежо и возбужденно. Они с любопытством рассматривали своих новых товарищей. К ним подходили ученики и ученицы старших классов и приветливо заговаривали. Одни второклассники, сурово насунив брови, обходили их молчаливо. Сыздавна известно, что второклассники с высокомерием относятся к первоклассникам.

В большом школьном зале пахло свежей краской, сверкали выбеленные потолки. На столе стояли цветы. На стене висел большой плакат: «Привет новичкам!» Каждый мальчик и каждая девочка, шевеля губами, читали про себя плакат.

Первоклассники беспрестанно вертели головами, чтобы сразу все осмотреть и запомнить.

Родители первоклассников сидели позади. «Значит, это — еще не главное, — думали некоторые первоклассники. — Самое главное начнется, когда уйдут родители».

У стола с цветами появился толстый человек и сказал:

— Ребята, будем знакомы, я ваш директор! Многие из вас, ребята, меня знают. Наверное, ваши братья и сестры у нас учатся.

Один из мальчиков неожиданно встал и смело заявил:

— Мой брат Сережа в четвертом классе.

Вслед за ним вставали и другие дети и называли своих сестер и братьев, учившихся в этой школе. Один мальчик, кругленький и черный, как жук, встал и очень громко выпалил:

— А мой брат на Дальнем Востоке. Он танкист.

Выпалил и сел. Все дети и родители захлопали в ладоши. И директор хлопал.

Когда все стихло, директор продолжал свою речь. Он говорил ребятам об их счастлимом детстве, о том, что они живут в самой счастливой стране на свете и что о них очень заботится товарищ Сталин... Затем наступило самое главное — родители ушли, а учительница повела детей в класс.

Но в классе сидели недолго. Учительница вновь вызвала всех по фамилии и с каждым знакомилась в отдельности. Время пролетело страшно быстро. Как приятно было возвращаться домой. В этот день все было хорошо и все было очень вкусно.

— Ну, как у вас там в школе? — спрашивали взрослые.

— Ужасно интересно, — говорили дети. — Знаете что, у нас в классе есть мальчик Селезнев Иван, его брат — танкист на Дальнем Востоке.

Ваня Селезнев и не подозревал, насколько он был популярен в этот день среди своих товарищей. Не было ни одного мальчика, ни одной девочки, которые бы не рассказали своим родителям, что у них есть ученик Селезнев Иван, а его брат на Дальнем Востоке. Ваня же ничего об этом не знал и занимался тем, что цветным карандашом во дворе своего дома, везде, где только мог, писал: «Привет новичкам!» Почему-то эта надпись, которую он прочел в школе, его особенно поразила, и он везде, где только можно было, воспроизводил ее: «Привет новичкам!»

Б. ЛЕВИН

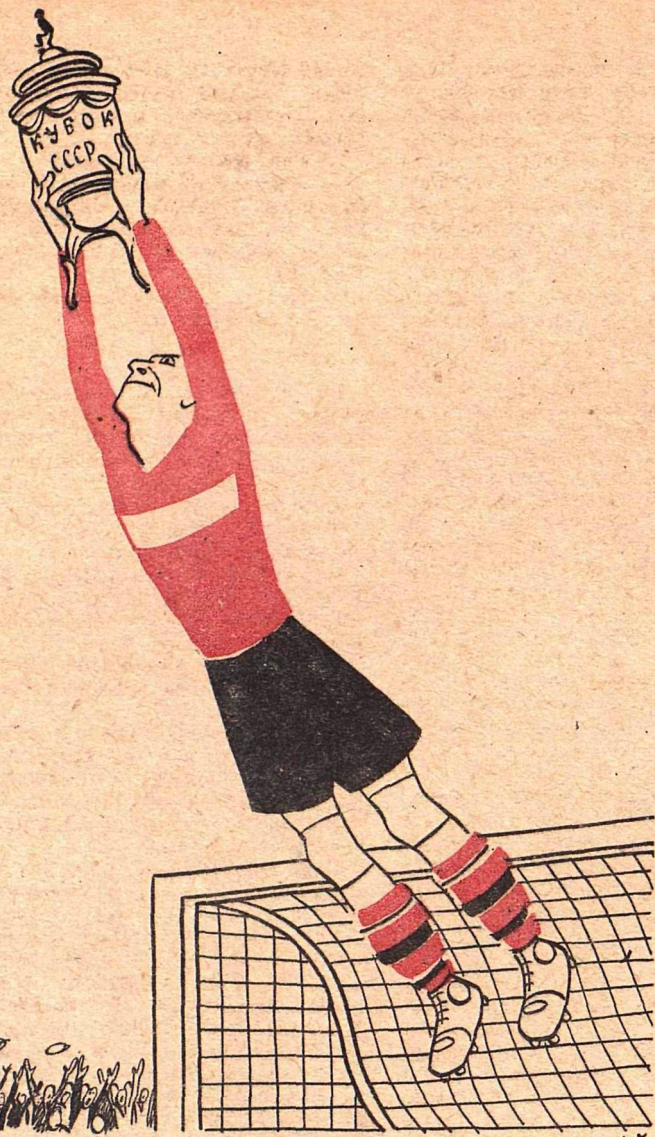

Рис. Ю. Ганфа

Удачный бросок „Спартак“

Грачи

(Басня)

Уже последние лучи
За перелеском догорали...
Неугомонные грачи
В кудрявой рожице орали.
Дебаты были горячи,
Ораторы кричали страстно,
Но время тратили напрасно —
Решить вопрос единогласно,
Как ни орали, не могли.

Туман сгущаться стал вдали.

Как дальше быть?

На что решиться?

Ведь время спать уже ложиться!

— Был прений уровень высок! —

Сказал друзьям тут грач усталый. —

Но спор нам предстоит немалый,

А солнце село за лесок...

Так завтра мы свой труд,

Пожалуй,

Начнем пораньше на часок!

●
Иные люди, вот поди-ка,
И днем и ночью спорят дико,
Регламент тесен для речей,
Работы нет, зато уж крика —
Как у грачей!

В. МОГОЛЬ

ДЖУНГЛИ

— Да вы успокойтесь...
— Я ус... ус... успокоился...
— Выпейте воды.
— Я вы... выпил... Спас... спасибо... Дддд...

— Разожмите зубы! Не стучите о стакан зубами! Ну?! Шире, шире раскройте рот... Так!.. Вы — что? Жерта империалистической бойни? Контузия?

— Нннет... я не жертва... То есть, я жертва, но не бойни, а этого... Проезд Владимирова, 6.

— Что? Что? Какой проезд?
— Владимирова. Бывший Юшков переулок, дом 6. В Москве, в Китай-городе...

— Ну и что же?
— Я туда пошел по делу.
— Ну и что же?
— Ну и вот: видите... сами говорите: контузия...

— Вы можете изложить все по порядку?

— Кажется, могу. Вот. У меня есть двоюродная сестра, и она была в Тамбове, где живет моя тетка, и тетка ей поручила передать мне сверточек. Ну, двоюродная сестра позвонила мне и говорит: «Заходи завтра ко мне на службу, я тебе отдам сверчок...» Я бы знал, я бы не пошел.

— Что — знал?
— Все. Я думал: это — учреждение, а не джунгли...

— Джунгли?!
— Конечно, джунгли! Вы сами посудите: я прихожу часа в два дня к дому № 6 по проезду Владимирова и твердо знаю, что мне нужно учреждение, которое называется так-то, а в нем — сотрудницу, фамилия которой такая-то. И вдруг...

— Джунгли?
— Джунгли. Совершенно джунгли. Понимаете: у подезда — двадцать вывесок. И «ВНИТО», и «Заготскот», и какой-то еще «Роспищетара», и потом — «ВЭМИСТ»...

— Но вы ведь знали, куда вам нужно?

— Знал. А только на вывесках этого учреждения не было. Я все-таки храбро поднимаюсь по лестнице: мне сестра сказала, что она работает на третьем этаже. Поднимаюсь и попадаю в коридор. Все в пыли, всюду грязь... А коридор идет зигзагами — форменный лабиринт... Я захожу в одну из дверей — канцелярские столы стоят сплошным помостом, трещат машинки, звонит телефон, щелкают счеты. Я говорю: «Не можете ли вы мне указать, где помещается организация, которая называется так-то?» Все молчат. Вернее, все говорят, щелкают, пишут, но мне никто не отвечает. Я испаряюсь. Опять коридор, опять зигзаги, и я начинаю думать, что хорошо бы мне, как мальчику с пальчик в сказке, бросать по пути кусочки хлеба: иначе дорогу обратно не найдешь... Захожу в другую дверь. Попадаю в безлюдный коридор. Только в одном переходе сидит буфетчица, и подле нее на рубль семь гривен товару. Буфетчица дремлет. Тишина. Тишина. Где-то вдали хлопнет дверь и опять тихо... Захожу еще в одну дверь. Там заседание. Выскочил опять в коридор и — о, ужас! — забыл, откуда пришел. Куда теперь идти? Налево? Направо? Коридор одинаковый и туда и сюда. Ищу надпись или стрелу, указывающую путь к выходу. Напрасно! Гадаю на пальцах. Иду, куда глаза глядят. Опять наткнулся на буфетчицу.

Значит, это я пошел назад? Или здесь есть еще одна буфетчица? Неизвестно. И вдруг — тяжелые шаги: навстречу идет толстый человек в ночной рубашке с закатанными рукавами, но с портфелем. Хочется снять с себя пиджак и махать ему, как это делают потерпевшие от кораблекрушения при виде судна на горизонте... Кидаюсь на человека с портфелем. Осыпаю вопросами. Человек, не глядя на меня, брзжит: «Не знаю... Кажется, это на четвертом этаже...» Я хватаюсь за эту версию. Еще бы! Скорее вон из страшного коридора. Бегу, спотыкаюсь о неровности паркета, налетаю на углы... Наконец, я на лестнице. Взлетаю на четвертый этаж. Осматриваюсь, тяжело дыша. С одной стороны стопудовые железные двери, три засова и три замка, а поверх этого издательская надпись «Хода нет». Еще бы! Пройди сквозь железо. А с другой стороны площадки дверь чистенькая, акуратный звонок, акуратно выписанная табличка: «Звонить Курослепову 1 раз, Ямцовым — 2 раза, Шапиро — 3 раза и т. д.». Что это? Марево? Мираж? Фата-Моргана? Почему жильцы, почему «звонить 3 раза»? Я же ишу учреждение!

Спускаюсь обратно на третий этаж. Опять тот же коридор. Войти в него еще страшнее: знаешь, на что идешь... Вхожу! Иду. Задыхаюсь. Начинается дрожь. Открываю дверь, по-моему, ту самую, в которую заходил первый раз. Жду увидеть помост из столов, хочу услышать треск, звонки, говор... Вместо этого тишина. Окна отрублены от меня еще одной перегородкой. Чуланчик в шесть квадратных метров. Горит тускляя лампочка. За столом у пяти телефонов сидит по-

жилая курьерша и ловит правую рукой большую палец левой руки... Наваждение! Слышу собственный крик и падаю...

— Где же вы очнулись?
— Очнулся я в районной амбулатории. Надеюсь, у меня пройдет... Но как же это так?.. В центре города — и такие джунгли?.. А?..

— Ну, ну, успокойтесь! Не надо больше об этом!..

С пострадавшим товарищем больше об этом, действительно, не стоит говорить. А вот с другими товарищами можно потолковать. Это, например, с управдомом Елисеевым, чьему мудрому руководству поручен дом № 6 по проезду Владимирова.

С товарищем Щербаковым, заведующим нежилотделом Красногвардейского района, в ведении которого и дом № 6.

С товарищем Михеевым, председателем Красногвардейского райсовета.

Еще можно обратиться к руководителям тех ста (двухсот?) солидных организаций, что являются арендаторами этих «джунглей».

Как же так, дорогие товарищи? Почему «джунгли»?

Надо подтянуться, дорогие товарищи. Ну, колонны и пилястры в коридорах можно не строить. А привести в приличный вид надо. И еще надо доску-указатель повесить. Или сложиться всей сотне организаций и посадить при входе расторопную сотрудницу для справок. Очень полезно!

А, может быть, еще где-нибудь на сегодняшней день имеются такие «джунгли»? Пусть и там подумают о нашем совете.

В. АРДОВ

О вывесках

Не знаю, как вы, уважаемые граждане, а лично я научился читать по вывескам.

Бывало, шестилетним шпингалетом иду по улице и по складам читаю: «Детский рай», ресторан «Медведь», чайная «Веселая долина» и так далее.

И, представьте себе, научился читать и до сих пор, как говорится, не забываю эти свои научные достижения.

Конечно, в настоящее время научиться по вывескам было бы много трудней.

В другой раз глядишь на вывеску, будучи уже, как говорится, взрослым оболтусом и вроде как не понимаешь что к чему. В другой раз даже мысль отказывается работать в данном направлении.

По-моему, некоторые вывески могут даже создать тревожное состояние у ребенка. Не скажу, что ребенок от этого заболел или станет умственно отсталым, но некоторая тень может лечь на неокрепший мозг.

Особенно озадачивают такие вывески, например: «Райжилстройброй» или «Кройбейшвей».

Отчасти это понятно — всего, как говорится, не выведешь на вывески чего хочется и вот поневоле сокращается.

Конечно, в свое время это сокращение взяли, чтоб разгрузить телеграф. И насчет телеграфа это абсолютно правильно. Но почему это вошло во все области жизни — вот это не совсем понятно.

Хотя в последнее время на этом фронте восторжествовал здравый смысл. И многие магазины стали по-человечески называться: мясо, хлеб, булки, баранки, груши и так далее.

Вот это хорошо, что наметили такой уклон. Хорошо, да не совсем. Уж если магазин «Бул-

ки, баранки», то все магазины во всем городе носят тоже название «Булка-баранки».

А в другой раз, предположим, тебе продали недоброкачественные баранки. И прямо трудно вспомнить, в каком это магазине ты купил это самое.

Вот это худо. Худо, да не совсем. Многие покупатели сами от себя окрестили булочные и дали им названия. Некоторые булочные у нас носят названия «Филипповы», некоторые «Лор».

То есть, представьте себе, прошло 20 лет, а население волей-неволей прибегает к темному прошлому, чтобы разобраться, какой где магазин. И по этой мелкой причине называют магазин по фамилии бывшего купца и булочника.

Вот это худо. У нас, например, один роскошный «Гастроном» так и называют «Елисеев». Зря так называют. Получилось это потому, что чуть не все магазины, торгующие колбасой, называются «Гастрономы». А от этого в глазах рябит, и если тебя спросят, куда идешь, то сразу не согласишься с мыслями.

Вот это определенно худо. Конечно, некоторые магазины стали теперь на вывесках ставить цифру: один, два или восемь. Но это скучно, ничего праздничного не дает душе и даже, напротив, убивает поэзию.

Может быть, надо внести некоторое разнообразие. И некоторые магазины стоило бы назвать для примера как-нибудь ириво: «Не хотите ли колбасы» или «Торгуем яблоками и прочей чепухой».

Нет, я не знаю. Наверно, так нельзя называть. Но, может быть, для этого надо опросить симпатичное население или привлечь к этому делу тех же многоуважаемых писателей, арти-

стов и певцов. Может быть, эти последние возьмут и что-нибудь придумают в этом смысле.

Насчет булочных и колбасных я не уверен, что это надо. Но, может быть, и надо. А уж для ресторанов, для кафе и для чайных это обязательно надо.

В другой раз звонит друг и говорит: — Зайдем, посидим, выпьем по кружечке пива.

Ну, договариваешься, где встретиться. И обыкновенно начинается путаница, поскольку почти все рестораны так и называются рестораны. А хотелось, чтобы они имели свое единственное какое-нибудь заманчивое название, создающее настроение и жажду жизни.

Это хорошо, когда рестораны и чайные называются: «Встреча друзей», «Под пальмой», или «Не робей — зайти сюда, Петя».

Какая-то в этом есть задушевность. Я не скажу, что от этого будут больше пить. Но кушать, наверно, будут больше. Поскольку от всего хорошего, красивого и торжественного развивается волчий аппетит и благородные соки организма выделяются в изрядном количестве, что способствует пищеварению, вносит здоровье и силу во все области жизни, ослабляет семейный разлад и устраняет ссоры, склоки и неразбериху.

Конечно, тема нашего рассуждения, может быть, на этот раз незначительная и мелкая. В таком случае просим у читателя сердечное извинение и за натурализм и за мелкую философию на глубоком месте.

Пламенный привет всем покупателям (Бурные аплодисменты. Все встают и идут покупать булки и прочие товары).

Заслужен. деят.

М. М. КОНОПЛЯНИКОВ-ЗУЕВ

Ручка

Собственно говоря, это должно было случиться еще 5—6 дней назад. Все время злополучная ручка держалась, как говорится, на честном слове. И в конце концов она отвалилась.

Сначала никто не заметил опасности. Утром ручка была еще на месте. А потом этот грубиян-покупатель сердито хлопнул дверью, и ручка отскочила. Он, видите ли, не мог понять, почему от сахарного песка пахнет селедкой. А чего тут не понимать, когда они лежат на одной полке!

Но, так или иначе, проклятая ручка сыграла дрянную шутку. Семь человек — весь штат продуктового магазина райпищеторга — оказались запертыми как в мышеловке. Массивная дверь словно прилипла. Она открывалась внутрь магазина, и снаружи ее можно было распахнуть пинком ноги. Но открыть дверь изнутри теперь не было никакой возможности.

Первой пошла на приступ кассирша Сонечка. Сонечка имела обыкновение по нескольку раз в день бегать на угол за порцией «эскимо». Если, возвращаясь, Сонечка заставала у кассы бушующую очередь, она, обиженно поджимая губы, высокомерно говорила:

— Подумаешь, опоздала... У нас не метро!

В это утро Главкладпром лишился своей постоянной клиентки. Целых пять минут Сонечка тихо, как мышь, скреблась у двери, потом с сожалением взглянула на ногти, с которых пятнами сошел алый лак, вздохнула и вернулась на место.

Иван Иванович, завмаг, грузный мужчина с багровым лицом, немедленно отправился на место происшествия. Расследовав инцидент, он энергично изложил выводы:

— Как присохла, подлая! Теперь сиди тут...

Вскоре возле двери собрался весь штат. Начались оживленные поиски выхода из положения. Строились и рушились самые фантастические планы. Дверь пробовали поддеть ножом, ее гладили, выстукивали, толкали, но она не поддавалась.

— Сейчас мы ее откупорим! — бодро произнес заведующий гастрономической секцией, оптимист и изобретатель.

Но пущенный им в ход консервный нож тотчас же сломался. Ни к чему не привела и смелая попытка открыть дверь с помощью штопора.

— Нет, уж вы лучше бросьте, — угрюмо сказал завмаг. — Этак вы мне все оборудование изуродуете. Давайте иметь терпение. Вот придет покупатель и нас выпустит.

И все стали ждать покупателя. Наступила сонная и тягостная тишина. Только за немытыми стеклами витрин тоскливо жужжали мухи, да мерно тикали стенные часы.

Потом Сонечка вспомнила, что за стеной, в соседнем под'езде, гнездится частник «починка изящной обуви». Надо ему постучать, и он явится, неся желанное освобождение.

Поочередно все стали стучать в стену. Но освободитель не появлялся. Частник был глух от рождения.

А покупатель не шел, хотя за ним было установлено тщательное наблюдение. Помзавмага Петя бесценно дежурил у витрины.

— Вот эта старушка к нам... Ей-богу, к нам! — шумно ликовал он. — Вот и кошолка с нею... Сейчас лук покупать придет!

Но старушка шла мимо, так же как и мужчина с портфелем и женщина в красном платье. Петя умолкал и с'еживался.

— Не идет к нам покупатель, — меланхолически констатировал один из рядовых работников прилавка.

— А чего ему идти? — вдруг сказал завмаг, в котором забурлила долго спавшая гражданская совесть. — Разве покупатель не понимает? Рядом, в «Гастрономе», чистота, уют, обхождение. А у нас? Стекла немытые, товар несвежий, грубость. В кассу очереди, как за лодками в выходной день... Кому это интересно к нам ходить?..

— У нас не метро! — язвительно сказал заведующий гастрономической секцией и завистливо добавил. — Там-то двери автоматические. Пшик, — и открылась...

— Метро! А у тебя что? — строго спросил завмаг. — На полках пыль, с покупателями грубишь. Нельзя так, товарищи!

Товарищи уныло молчали. Слушая обличительную речь расходевшегося завмага, они чувствовали всю глубину своего падения... Когда завмаг, закругляясь, в последний раз твердо произнес: «Нельзя так, товарищи!» — штат чуть было не заплакал.

И тут внезапно распахнулась дверь. В магазин вошел долгожданный покупатель.

Все радостно воскликнули в унисон, будто долго репетировали этот вопль. Покупатель вздрогнул и поспешно захлопнул дверь.

Опять все вместе крикнули, но уже грустно. Кассирша сказала:

— И чего вы швыряетесь дверью?! Просили вас закрывать!

— Виноват! — смиренно ответил покупатель и потянулся рукою к месту на двери, где была ручка.

Ручки, разумеется, не нашел и стал царапать дверь ногтями.

— Скрепись теперь до утра, — выразил всеобщую мысль заведующий гастрономической секцией.

А завмаг строго добавил:

— Отойдите от двери! Раз пришли покупать — покупайте уж!..

— А куда ему торопиться? — язвительно отозвалась кассирша. — Напокупается еще.

Действительно, узнав, что он в ловушке, покупатель ходил по всем прилавкам и лениво набирал самые неходовые товары.

Тем временем помзавмага Петька стал у двери наизготовку. Он объяснил:

— Как еще кто-нибудь войдет, сейчас я ногу подставлю, чтобы не успел захлопнуть!..

— Идет! — тревожно крикнул через полчаса заведующий гастрономической секцией.

Петька принял позу человека, желающего вскочить в трамвай на полном ходу.

Дверь открылась, вошла женщина с вязаную сумкой и дико вскрикнула: это Петька, вонзая свою ногу между дверью и порогом, наступил ей на носок.

— Спокойно! — scomандовал завмаг. — Гражданка, давайте сюда к прилавку, покупатель должен быть у прилавка!.. А ты, Петр, кидайся за молотком!..

— Есть! — крикнул Петька, исчезая.

...Через пять минут возник первый конфликт у прилавка гастрономической секции. Еще через пять минут домохозяйки, стоявшие в очереди в кассе, хором потребовали жалобную книгу: Сонечка снова злоупотребляла мороженым и терпением покупателей.

Спустя полчаса какой-то покупатель, несогласный с запахом сахарного песка, уже покинул магазин, сердито хлопнув дверью.

Но это никого не встревожило: ручка была пририта пасовесть.

ЛЕВ МАКСИМОВ

СОБЫИ ОТДЕЛ

ВОЗМУТИТЕЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ

Много жалобщиков видел на своем веку Крокодил, но такого еще не видел.

Жалуется нам гражданин Хахолин, бывший учитель Тугулымского района, Челябинской области. И жалуется он на следующее... Нет, лучше привести этот документ в подлиннике:

«Я учитель народной школы, и до сих пор работаю, как говорится — на совесть. При окончании нынешнего учебного года четвертый класс нащитывающий 6 человек целиком остался на повторные испытания — до осени, не сдав по одному, по двум предметам.»

Так и написано в заявлении учителя: «нащитывающий». И запятой не хватает. Но что там запятая! Оказывается, у Хахолина есть свои претензии: когда его, учителя, у которого ни один ученик не учился удовлетворительно, когда его уволили, он ищет к тому причины в кознях врагов.

— За что меня так? — скорбно вопрошает Хахолин и добавляет:

«Если о дисциплине, — то я за два года в армии не имел ниодного дисциплинарного взыскания.»

Если о грамотности и педагогическом образовании, то я хоть два года, да учился в педтехникуме, а есть молодые учителя, работающие по первому году, как и я, просто из семилетки.»

Ужасно! Дикая несправедливость! Человек — сам недоучка, ученики у него — недоучки, и вдруг его снимают с работы учителя!..

А может быть, Хахолин, вас сняли из-за какой-нибудь склоки? Ходят слухи, что вы не в ладу с грамотностью. А это особа очень мстительная и имеющая большое влияние в ведомстве народного просвещения.

УНАВОЖЕННАЯ НИВА

Славное сентябрьское утро. Город Острогжск (Воронежская область) проснулся и приступает к делам своим. В учреждении торопятся служащие, с рынка идут нагруженные хозяйки. А вот и здание школы. Чу! Со двора доносится бодрый шум детских голов.

Хотя, позвольте! То, что доносится со двора острогжской школы, непохоже на детские голоса.

Скорей уж это похоже на заливчатое конское ржание.

Заглянем во двор. Так и есть. Во дворе школы, обильно покрытом сеном и навозом, стоят лошади и вызывающе ржут. «Что ты ржешь, мой конь ретивый?»

Среди ржущих лошадей, опасно озираясь, пробираются школьники с ранцами за спинами. Вот один первоклассник поскользнулся и упал, запачкал ручки. «Не плачь, детка, беги скорей в школу, умойся».

Но, чу! Водопроводных кранов на месте почему-то нет. Ручек, запачканных конским навозом, вымыть негде. Какое безобразие! Пусть Острогжский горсовет найдет того, кто унавожил ниву просвещения, пусть строго накажет безобразника.

Хотя, позвольте. Острогжскую ниву просвещения как раз и унавожил сам председатель горсовета тов. Михайлов. По решению районных властей, он, правда, освободил под школу здание горсовета, но оставил на дворе горсоветских лошадей, а водопроводные краны и электропровода снял.

Щедринский градоначальник прославился некогда тем, что сжег гимназию и упразднил науки. Острогжский председатель превратил ее в конюшню. Вот он какой, Михайлов!

НА СОЛНЦЕПЕКЕ

Жили-были два товарища: П. Петибский и Н. Гельбак. Сидели они в этом году в городе Батуми на солнцепеке и сочиняли брошюру «Аджарская Автономная Советская Социалистическая Республика».

Жара до того действовала на мозг сочинителей, что Петибский и Гельбак в своей брошюре написали следующее:

«Все граждане Аджарской АССР имеют право на отдых, право на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и утери трудоспособности, имеют право на образование вплоть до высшего.»

Принесли авторы свою брошюру в Госиздат Аджарии к ответственному редактору Д. Думбадзе. И случилось так, что Думбадзе тоже в тот день сидел на солнцепеке. Вот почему он и скрепил своей подписью галиматью Петибского и Гельбака.

Затем брошюра поступила на визу к уполномоченному Главлита. И случилось так, что и уполномоченный сидел на солнцепеке. Вот почему он и поставил свою визу. Страшная штука — жара!

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Какое все-таки счастье для руководителей читинского областного управления, что лошади не умеют говорить. Если бы молчаливые лошади обрели дар речи, читинским руководителям пришлось бы, краснея, выслушать по своему адресу немало обидных и резких слов.

Посуди сам. Вот уже несколько месяцев устькарыйские районные организации бомбардируют Читю просьбами и требованиями о присылке в район хотя бы одного ветеринарного врача. Исписаны везы бумаги, посланы пачки телеграмм. Но в Чите, видно, мало заботятся о развитии животноводства. Во всяком случае просьбы и запросы, которые мы шлем поистине лошадиными дозами, остаются без ответа.

Научи, пожалуйста, руководителей читинского облзду хорошему отношению к лошадям. Поскорей научи!

СОСНОВСКИЙ,

секретарь Устькарыйского райкома ВКП(б)
Читинской области.

Дорогой Крокодил!

Я, знаешь ли, на Минеральные воды из Москвы решил полететь самолетом: Думал: так будет скорее: все-таки авиация — пожирательница пространства. 21 августа утром сел в самолет на московском аэродроме. До Ростова мы пожарили пространство довольно аккуратно: в час дня 21-го же я был в Ростове.

Тут к нашему самолету подбежали работники аэропорта и стали торопить нас, пассажиров:

— Быстренько, быстренько! Вам надо пересесть на другой самолет.

Мы, пассажиры, с удовольствием приготовились пожрать еще некоторый отрезок пространства. Но не тут-то было. Пожрать нам не дали, то есть пространство пожрать. Мы сидели на аэродроме три часа, и все нам обещали, что вот-вот появится тот самый самолет, который нам нужен.

В эти три часа работники ростовского аэропорта уложили увлекательное общее собрание, на котором горячо обсуждался договор социализма между ростовским аэропортом и одним из аэропортов Украины. Социализм предусматривал и быстроту сообщения, и точное выполнение расписания, и обслуживание пассажиров. У нас, ожидающих, просто слюнки текли от такой повестки дня.

А потом нам объявили, что мы сегодня куда не полетим, и повезли ночевать в город. На скучном автобусе.

...Но я человек, глубоко предан-

ный идее воздухоплавания: я и обратный путь из Минеральных вод в Москву тоже решил лететь на самолете.

31 августа я позвонил из Кисловодска в Минеральные воды начальнику аэропорта и спросил, когда мне следует прибыть в аэропорт, чтобы 1 сентября вылететь на Москву. Начальник ответил как будто он был не человек, а инструмент из разряда точной механики. Ну, хронометр или даже, может быть, сейсмограф.

— Вы полетите завтра утром, — сказал начальник, — полетите на самолете, который прибыл сегодня из Баку и будет у нас ночевать. Вам надлежит прибыть на аэропорт сегодня в 21 час 23 минуты вечера!

Восхищенный точностью ответа, я освободил номер в кисловодской гостинице, попрощался с друзьями и, купив кисловодских изделий из ракушек, двинулся в Минеральные воды.

Ну, что там говорить?!.. Когда я очутился в аэропорте, мне сказали:

— Придется вам лететь завтра. Сегодня лететь — как бы вам это сказать? — не на чем...

— А как же летчик, который из Баку? Который ночевал у вас? — грустно спросил я.

— Ах, летчик... Летчик, он ночевал в Ростове. Не захотел у нас ночевать. Побрезговал.

...2 сентября утром скорый поезд Минеральные воды — Москва плавно подошел к дебаркадеру вокзала Москва, Дзержинской железной дороги, имея в своих недрах в числе прочих пассажиров и лично меня.

Конечно, находясь в поезде, я не слишком скоро пожирал пространство. Но зато наверняка. На железных дорогах так не бывает, чтобы машинист побрезговал остановиться на станции. И знаешь, Крокодил, это довольно правильный распорядок. Пожелаем же гражданской авиации пожирать пространство более аккуратно.

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ,
поэт.

Дорогой Крокодил!

Корабли Балтийского торгового флота бороздят воды всех морей и океанов. Ни бури, ни туманы, ни мели, ни рифы не страшат наших советских моряков, пока они находятся в плавании. В море им все нипочем. А вот в Ленинградском торговом порту бесстрашные моряки теряются... И не даром. Порт занимает огромную территорию. Всю эту территорию нам, морякам, приходится вымерять шагами: никаких средств сообщения в порту нет. Впрочем, не так! Есть там один (1) автобус, курсирующий от главных ворот порта до пассажирской пристани. Дождаться его —

дело нелегкое, тем более, что дважды в день это злополучное средство сообщения имеет перерывы на обед и ужин шоферов, по два часа каждый раз.

Дорогой Крокодил, помоги нам обойти этот единственный непреодолимый для нас риф, каковой упирается в начальника Балтийского пароходства тов. Мельникова.

КУКУШКИН,

моторист теплохода «Клара Цеткин», дважды орденоносца, челюскинцев.

Ленинград

Дорогой Крокодил!

Для озвучивания кинофильма «Долина роз» нам понадобилось записать на кинолентку народную песню крымских татар. Заслуженная артистка РСФСР Ирма Яунзем согласилась напеть эту песню. Все переговоры между Яунзем и фабрикой велись через какого-то неизвестного нам уполномоченного артистки — Григория Осиповича.

Этот Григорий Осипович потребовал за исполнение Ирмой Яунзем одной песни длительностью около 2 минут... 1200 рублей, причем заявил, что артистка получит из них 800 рублей, а 400 рублей пойдут ему, Григорию Осиповичу, за перевозку нот.

Во всеобщем комитете по делам искусства, куда мы пробовали жаловаться на это беспримерное рвачество, исходящее, бесспорно, от упомянутого Григория Осиповича, нам сообщили, что Комитет устанавливает ставки артистам лишь для концертных выступлений, а материальная сторона остальных работ артистов Комитет не интересуется...

Мы были вынуждены выполнить условия, продиктованные высокочтимым «жучком от искусства». Но нас удивляет, до каких же пор около наших артистов будут увиваться подобные типы, обладающие одним «талантом» — наглостью и нахальством, при помощи которого они обкрадывают государство под видом «перевозки нот»...

Е. ВИШНЕВСКИЙ,
директор Московской студии кинохроники.

Ю. БРАЙДОВСКИЙ,
начальник звукового цеха.

Б. НЕБЫЛИЦКИЙ,
режиссер картины «Долина роз».

Дорогой Крокодил!

В мае месяце у нас в посаде Климов проходила гастроли орловского 2-го областного совхозно-колхозного театра. Жителям особенно понравились постановки:

«Без вины виноватые», «На бойком месте» Островского и «Коварство и любовь» Шиллера.

Не понравились эти постановки лишь одному жителю посада Климов — начальнику местной милиции Богданову. В антрактах он громко выразил свое негодование, порицая театр за то, что он «показывает пьяных купцов» и «ставит всякую старую дрянь».

Шиллеру и Островскому, конечно, все равно, нравятся их произведения строгому и умному Богданову или нет. Но жителям посада Климов стыдно за своего начальника милиции. Вот они и извиняются за него перед классиками на страницах Крокодила и просят простить Богданову его невежество.

ШКЛЯР, МАКСИМЕНКО,

Посад Климов,
Орловской области.

Дорогой Крокодил!

А что касается авторучек той-фабрика «Авторучка», то предлагаем переименовать эти ручки и называть их впредь так:

«Кляксоручка».

Потому что ручки эти могут извергать чернила только в виде клякса. Либо клякса либо ничего не течет. Можно, конечно, макать авторучку в чернильницу, но ведь никто не запрагает лошадей в автомобиль!..

Значит, отныне — «кляксоручка».

ПЕТРОВ, ШЕСТОПАЛОВА,
колхозники.

Колхоз имени Пятидесятилетия товарища Сталина.

Неклиновский район,
Ростовской области.

Уважаемый Крокодил!

Народный судья Балыклейского района, Сталинградского края, Глазков рассматривал иск Наркомата совхозов СССР к колхозу имени 1 мая о взыскании задолженности в сумме 784 р. 60 коп. Суд нашел, что иск доказан только частично, а поэтому постановил: «Взыскать с колхоза имени 1 мая в пользу Наркомата совхозов... 66 копеек(!)». Хотя в решении почему-то записано, что суд руководствовался соответствующими статьями процессуального кодекса, но видно, что здравый смысл судья не руководствовался никак... и это «мудрое» решение, вынесенное в пользу Наркомсовхозов», в пользу судьи Глазкова не говорит.

ЦЕЛЕБЕЕВ,
бухгалтер Наркомата
совхозов СССР

Москва

Редактор — Мих. КОЛЬЦОВ. Редакция: Г. РЫКЛИН, Л. РОВИНСКИЙ, В. КАТАЕВ, Е. ПЕТРОВ.

Адрес ред.: Москва, 46, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 часов. Подписная цена на журнал 1 р. 80 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Рукописи не возвращаются

Москва, Изд. 899

Сдача текста и рисунков 7/IX 1938 г.

Подписано к печати 21/IX 1938 г.

Статформат 72 × 105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № Б—54086. Типография газ. «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2210. Тираж 275 000 экз.

45

КОМП. АРХИВАРИИ
 26 июля 1938
 В. И. М. П.

	Период и сроки	„Лет сведений“	„Журн. лет“
Получ. в ред.	27/IX		
дан в архив	28/IX 29/IX		

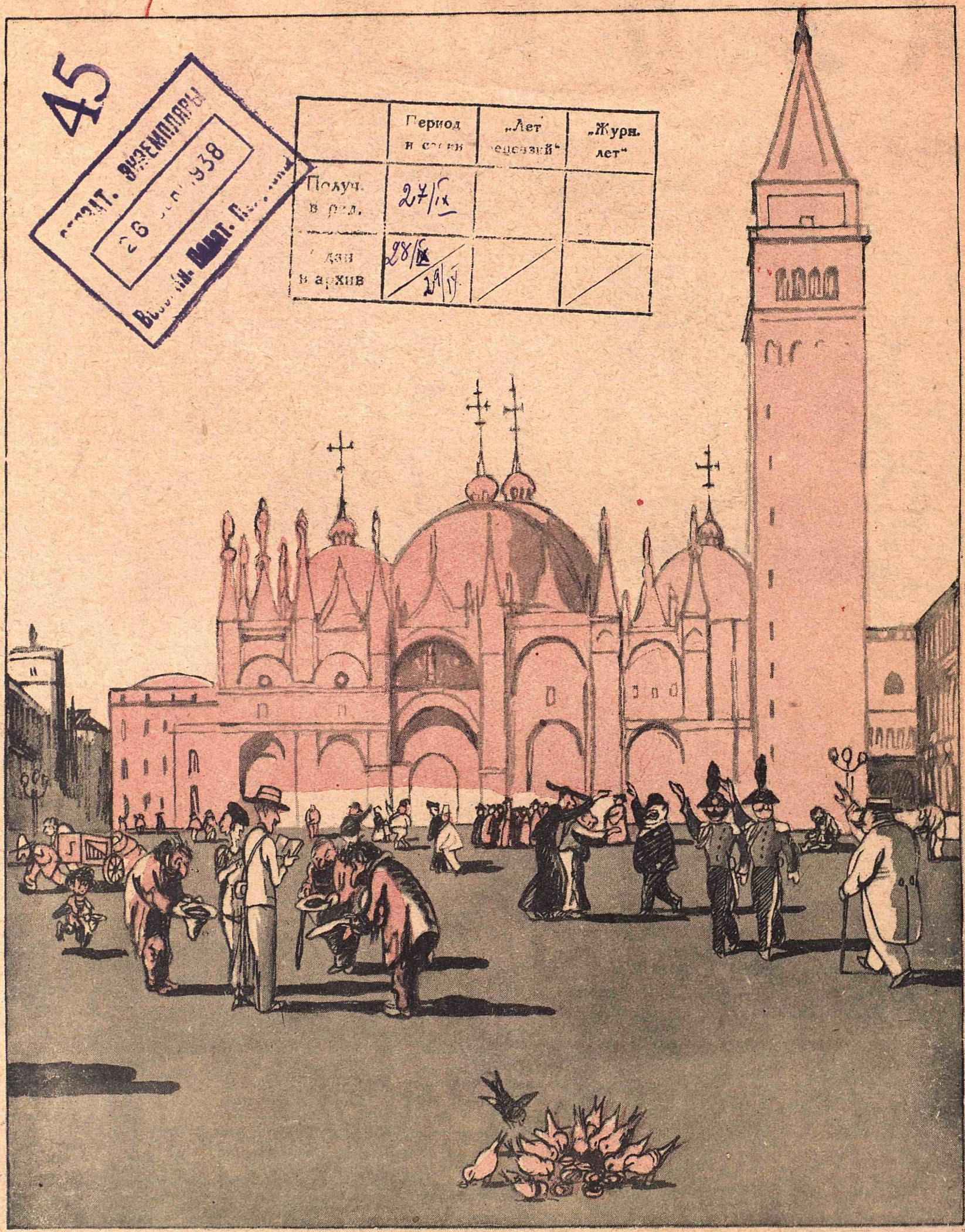

Рис. Л. Бродаты

Раньше в Италии люди приветствовали друг друга шляпой,
 а зарабатывали рукой. Теперь же приветствуют рукой, а зар-
 абатывают шляпой.